

*Уважаемые друзья и коллеги!
Идя навстречу многочисленным пожеланиям и просьбам,
публикую
стихотворную пьесу в прозе
преподавателя русского языка и литературы
Бориса Юдковича Бергера **

**БЕЗ НАЗВАНИЯ,
но зато в двух актах
и моё скромное эссе по этому поводу...**

* краткая историческая справка: сие творение было зачитано автором в октябре 1993 года, на праздновании нашей группой праздника Суккот, а затем даровано мне на память (в 1993 - 1994 гг. я имел честь обучать Б.Ю. Бергера ивриту).

Действующие лица, они же исполнители:

Борис, автор (в дальнейшем – Б.)

Бэла, жена его (в дальнейшем – Ж.)

ученики ульпана, слушатели, студенты (в дальнейшем – массовка), (их функции предельно просты: заполняют логические паузы аплодисментами; в перерывах между актами аплодируют с повышенной интенсивностью; по окончании представления неистово орут «браво!» и «бис!») – на эту роль приглашаются все желающие морэ́ лэ иврít (в дальнейшем – просто морэ́) (скромная ответная речь, можно дополнительным актом).

Акт 1

Стол, ломящийся от яств, массовка, морэ́, Б. и Ж. на трибуне, наливают.

Б.: Шалóм, адонím!

Ж.: Ой, таки да здравствуйте!

Б.: Аní мэдабэр иврít, англít, царфатít, ноцрít, муслемít, антрацít, рак лё русит. Бэвакашá, таргмí.

Ж.: Он говорит, что владеет всеми языками, кроме русского и говяжьего...

Б.: Еш иврít калá, еш иврít кашá вэ еш иврít шелí. Зот иврít кашá норá, ки ламáдти бэ квуцóт: áлэф, бэт, вэм, гáмлет, дáмлет, мэм-софít...

Ж.: Он очень много занимался ивритом, особенно в группе мэм-софít. Поэтому говорит, пишет и отдыхает только на своём ужасном иврите.

Б.: Еш рак бэн Адáм эхád ше мэвín отí вэ эт һа-иврít шелí. Зот бат Адáма Бэла.

Ж.: И вот потому ему нужна я – единственный человек, который понимает его и его ужасный иврит.

Б.: Ахшáв аní роцэ ликрó лахэм шир-экспромт, ше *накатáвти* лифнэй шаву́а ше авáр.

Ж.: Сейчас он хочет прочесть вам стихотворение-экспромт, которое написал о-то-то.

Массовка: *Долгие аплодисменты, превращающиеся в бурные овации.*

Занавес. Конец первого акта.

Акт 2

Стол наполовину пустой, однако вторая его половина не оставляет сомнений в том, что главные события ещё впереди. Те же – за столом и на трибуне.

- Б.:** **Ани о́хэв...**
- Ж.:** **Я страстию пылаю...**
- Б.:** Ани о́хэв лильмо́д иврít мэ́од -
Сафа́ яфа́, тут никуда не деться.
И мне хавáль, ше я, как ыдиёт,
Рак лэ русít своё угробил детство.
- Ж.:** Автор сожалеет, что так рано закончилось его детство...
- Б.:** Ани о́хэв ликро́ наоборот –
Как будто время движется обратно.
Ялдúт, конечно, снова не придёт, -
Найм мэ́од! – мне всё равно приятно!
- Ж.:** Автор выражает надежду, что в скором времени он таки впадёт в детство и научится читать в обратную сторону.
- Б.:** Мне нравится, как я ломéд милím –
Коль ём ломéд, коль ла́йла забываю.
Но всё, что в своём ро́ше сохранил,
Я в этом шíре вам сейчас читаю!
- Ж.:** Автором приводится оригинальная методика пополнения словарного запаса и конкретные результаты её применения.
- Б.:** Мне нравится, что даже по, лё шам, -
Лэ́ан уедем скоро безвозвратно,
Я называю тестя просто «хам».
Хоть он не хам, а всё равно приятно!
- Ж.:** Скоро он уедет в Израиль, но уже здесь приучает тестя к ивриту.
- Б.:** Тода́ раба́, лахэ́м, морím шели́,
За то, что вы меня, сил не жалея,
Старались переделать, как могли,
Ми полугоя в лэ ха́ци еврея!..
- Ж.:** Автор благодарит своих учителей за коренную перестройку своего организма...
- Б.:** Тода́ раба́, тода́ раба́, морím!
Мы счастья и здоровья вам желаем.
И от души ха́ём лахэ́м омрím:
«Бэ ша́на ха́баа́ Бирушала́йим!»
- Ж.:** ... он надеется успешно добраться до Иерусалима, где и продолжит со своими учителями занятия, до группы «тав» включительно!
- Массовка:** *Бурные овации, крики «Браво!», «Бис!», «Лэхáим!»*

Эссе

*Без занавеса, пока все не разошлись. Стол пуст, чувствуется неминуемое приближение развязки. Б. и Ж. в окружении **массовки**. На трибуне **морэ**. В его монологе смутно угадывается попытка ответной реакции на выступление **Б. и Ж.***

Монолог морэ: «Ани оһэв, ки...» («И я таки пылаю...»)

Ани оһэв, ки еш ли тальмидим
Вэ һэм зохрим ту хохмочку, конечно –
Шо «всё пройдёт, как с белых яблонь дым»
Вэ рак иврит останется навечно!

Ани оһэв, ки һэм ёд'им слегка,
Какая где глагольная порода,
Шо даже грудь у женщины, слиха,
Хоть нэкэва, а всё ж мужского рода.

Мне нравится, ки һэм роцим лильмод,
Коль-ках маһэр, мамаш за две недели
Ким'ат ёд'им ликро наоборот
У миткадмим лэат к заветной цели.

Мне нравится, ки бээмэт зэ тов -
Шо магийм би ш'от һа-эрэв һэна
Лариса, Саша, Бóрис им иштó, -
Ани-таки макир всех постепенно!

Тода раба лахэм, һа-тальмидим,
Милим товот тамид для вас найдутся,
Для ваших мэхаэхливых паним,
Шо каха стам не встретишь шам, в ба хуце!

Тода раба, ше кцат русит забыл.
Хайум в бегах – лэ шам, лэ по, обратно...
Тода, шэ бэ иврит поговорил!
Найм мэод! – пашут нора приятно!

*Аплодисменты, морэ, Б. и Ж. в окружении **массовки**, обнимаются. Занавес.*